

*«Люди не замечали, как плакала по ночам та,
что шла, по жизни смеясь...»*

Поезд набирал скорость. За окном мелькала незнакомая местность. В вагоне было тепло и уютно. Несмотря на то, что вагон был купейный, а не мягкий, постели все были застелены белоснежным новым бельем. Проводница не совала за рубль пакет мокрого серого застиранного белья, предлагая застелить постель самому, т. е. выполнить эту работу за нее. В их вагоне все уже было сделано.

Их проводница была симпатичная, приветливая и улыбчивая женщина. Все сверкало и пахло чистотой. По радио лилась приятная незнакомая мелодия. Музыка звучала не громко. Путешествовать в таком вагоне доводилось нечасто.

Ната села на полку и погладила рукой мягкое пушистое одеяло. «Явно, кто-то что-то перепутал,— подумала она.— Когда я ехала на юг в мягком воинском вагоне, так там все время падал на пол «мягкий» диван и белье было рваное. Сейчас мне явно повезло».

— Здравствуйте,— произнес появившийся в дверях купе молодой лейтенант,— давайте знакомиться. Меня зовут Эдуард Иванович Шуляков. Я еду домой к родителям в отпуск. А вас зовут Тата. Ваша мама просила вам помочь закомпостировать билет в Лиски через воинскую кассу. Она боялась, что там будет очень большая очередь, и вы застрянете на этой станции. Что? Я что-то не то сказал? Ну, она, правда, меня просила!

— Когда же мама успела вас об этом попросить? Мы все время были вместе.

— Когда вы пошли в буфет покупать брату шоколадку. Напрасно вы мне не верите. Я вру только тогда, когда есть угроза жизни.

Ната заметила на перроне возле их вагона четырех лейтенантов в новенькой форме. Кто-то из них уезжал. Но так как она выросла в военном городке, то молодые лейтенанты ее не заинтересовали. У нее были друзья среди молодых летчиков, и был молодой человек, которого она любила уже четыре года. Все тылы были обеспечены, поэтому можно спокойно улыбаться молодому лейтенанту. Она даже сразу не поняла, симпатичный он или нет. Этот Эдуард Иванович ее не интересовал.

— Спасибо, Эдуард Иванович, что вы согласились мне помочь. Моя мама любит озадачивать людей. Вы простите ее за это. Я думаю, что смогу сама справиться.

— Ну, не надо меня называть Эдуардом Ивановичем, мне всего-то двадцать три года. Можно просто Эдик. А почему вас зовут Татой? Что это за имя?

— А мне уже девятнадцать лет, поэтому детское имя Тата мне не очень нравится. Называйте меня Наташей. Татой меня только мама зовет. Я не уловила связи между враньем и жизнью. Чьей жизнью? Вашей или моей?

— Не берите в голову, Наташа. Я, видимо, еще не достаточно вырос и иногда болтаю лишнее, только чтобы заполнить паузу или снять неловкость, вот как сейчас, например.— Он рассмеялся.— Вы одна в купе едете?

— Нет. На верхней полке едет майор, но он, наверное, ушел в вагон-ресторан.

— Можно я переберусь в ваше купе? Полка над вами свободна? У меня в купе никого нет, и мне там одному скучно. Вы не будете возражать?

— Не буду. Устраивайтесь, как вам удобно.

— Тогда я пошел договариваться с проводницей,— радостно сказал Эдик.

Через пару минут он появился в купе с новеньким щегольским чемоданом. Наташа вышла в коридор.

— Все. Я готов.— На Эдике был новенький спортивный костюм и комнатные тапки. Если бы он не был стройным с хорошо развитыми плечами, то очень напоминал бы их соседа по квартире. Большого любителя кошек у него было две, и он все время ходил в спортивном костюме, залепленном кошачьей шерстью.

Это сопоставление вызвало у Наташи улыбку. Эдик улыбнулся в ответ. Говорить было не о чем. Поезд шел ходко. Перестук колес навевал дремоту.

«Как бы мне от него отвязаться. Я бы лучше легла и почитала «Железного короля» М. Дрюона. А теперь мне вроде бы надо его развлекать, а мне не хочется. Почему я согласилась, чтобы он переселился? Это все издержки мамино воспитания. Надо было отказать ему, но мама его просила о помощи, и получилось бы неудобно».

— Так, в нашем полку прибыло! — воскликнул пришедший из ресторана майор.— Вы, молодые люди, пошли бы поужинали.— Настроение майора было явно приподнятое, чему способствовала выпитая за ужином водка.

Наташе это не понравилось. Она выросла в семье, где папа выпивал одну только рюмку водки во время воскресного обеда. В их военном городке народ вел трезвый образ жизни. Только один раз они, гуляя с ребятами, наткнулись в бурьяне на спящего мертвецким сном сверхсрочника. Вначале испугались, думали, что он умер. Потом мальчишки поняли, что он пьян. Так, чтобы все скрыть, ребята сбежали за женой, а девчонки остались караулить. Как будто бы его кто-то мог украсть! Это событие они обсуждали весь вечер, настолько оно выходило за рамки дозволенного.

Поэтому хорошо выпивший попутчик вызвал у нее чувство брезгливости. Видимо, это отразилось на ее лице. Эдик понял причину.

— Наташа, вы пойдете ужинать?

— Нет, Эдик. Мама дала много всякой еды. Давайте закажем чай и поужинаем здесь, а то мне одной не справиться. К тому же, если вы будете завтра сражаться за билеты, то вас надо хорошо кормить,— смеясь, сказала она.— Моя мама всегда говорит, что на голодных мужчинах далеко не уедешь! Не возражаете?

— Не возражаю,— улыбнулся Эдик,— я давно не ел ничего домашнего. Буду только рад.

— Мои родители приехали с Камчатки, где они прослужали два года. Привезли много рыбных деликатесов, включая красную икру. Но икру мы откроем завтра утром, а сегодня у нас будут бутерброды и печенье с орехами. Оно очень вкусное. Мы с Санькой весь вечер кололи грецкие орехи, и получилось хорошо.

— Санька — это ваш брат? Он рослый парень. Сколько ему лет?

— Он на семь лет моложе меня, но парень он хороший, надежный. На него во всех вопросах можно положиться.

Они пили чай, ели вкусную еду и не заметили за разговорами, как перешли на «ты». Эдик рассказал о своей семье, как он первое время в училище скучал по своим домашним и сестренке.

— А я писала родным на Камчатку длинные письма и уливала их все слезами. Я люблю родителей, но больше всего я тосковала по Саньке. Мне все время казалось, что с ним может что-то случиться. Он ведь еще был маленький и слишком шустрый.

— Нат, я это очень хорошо понимаю. После третьего курса я поехал в отпуск домой. Мы пошли купаться на небольшую, но чистую и быструю речку Суру. Мы решили перебраться на другой берег. Нашли брод и пошли. И было-то неглубоко. Ну, так вот, ниже пояса.— Эдик провел рукой посередине живота.— А Олька, это моя девятилетняя сестренка, шла все время впереди меня. Потом вдруг, смотрю, она пропала. Когда? Я даже не заметил. Вижу только пузыри на воде, и те потоком сносит. Вот веришь, нет, я даже подумать ничего не успел. Кинулся на эти пузыри и наткнулся на Ольку. Вытащил ее, а она вся сжалась, зажмурилась. Помоему, даже испугаться не успела. Я ей говорю: «Олька, скажи что-нибудь», а она головой мотает. Ну, я ее потряс, потом шлепнул, посадил на плечи и понес. Хорошо, что она не задохнулась. Быстро я увидел ее пропажу. Мы родителям даже ничего не рассказали. Они решили, что я просто сестренку катаю, несу на плечах. Вот такая история! А вечером, когда уже легли спать, Олька ко мне потихоньку прокралась, залезла под одеяло, прижалась, взяла мою руку и поцеловала. Олька уже спала, а я плакал. Как бы я жил, если бы она утонула?

— Не расстраивайся, ведь сейчас она уже большая.

— А я все равно о ней волнуюсь. Вдруг что случится?

— Вы бы, ребята, не думали о грустном, тогда ничего и не случится,— подал голос майор с полки.— Спать хочется, а вы все щебечете.

— Извините, мы будем тихо говорить.

Чай был выпит, бутерброды съедены, а темы для разговоров не прекращались. Уже отключили радио и верхний яркий свет. В их негусто заселенном вагоне было покойно и как-то по-домашнему. Поезд шел ровно.

— Нат, давай послушаем тихонько музыку. Я достану свой приемник.

Эдик достал из сумки маленький детекторный приемник. Наташа взяла его у него из рук, рассмотрела со всех сторон. Он ей явно понравился.

— Не пойму, кто его изготовил. Нигде нет марки и производителя.

— Я его изготовил. Схему взял в журнале «Радио», а все остальное делал вот этими самыми руками в свободное время. Зато он у меня хорошо берет короткие волны. Хочешь, послушаем радио «Свобода»?

— Давай в другой раз. Поздно уже,— прошептала Наташа,— и нам пора ложиться спать. Боюсь, мы будем мешать.

— Ничего мы не будем мешать. Он уже пятый сон видит. Ну, давай в коридор выйдем, если ты такая щепетильная.

Эдику не хотелось расставаться с ней. Ему понравилась эта милая ненавязчивая девушка. Он мог бы просто сидеть с ней рядом и молчать. Ее не нужно было развлекать. Она умела спокойно молчать. И, наверное, именно поэтому он говорил, не переставая. Это происходило с ним от страха. Вдруг она заскучает, захочет спать и уйдет. А как же он тогда останется один?

— Нат, ты же учишься в институте связи. Дай мне свой адрес, и я пришлю тебе схему приемника. И даже некоторые элементы пришлю. Ты сумеешь собрать себе такой же.

Наташа улыбнулась. Этот милый Эдик не представляет, как она живет. Работа в три смены на заводе, четыре дня в неделю по две пары занятий вечером в институте. Еще надо себя обстирать, приготовить еду, убрать комнату в общежитии и погулять, хотя бы немного. Времени ни на что не хватает, а усталость накапливается и накапливается. Вот сейчас она две недели отпуска провела в семье, а как будто бы и не отдыхала. Все время хочется спать. Какие приемники? О чем он говорит?

— Ладно, Эдик, ты уже записал мой адрес, сейчас я запишу твой.— Она принесла записную книжку. Поезд в это время качнуло, книжка упала на ковер и из нее посыпались Костины фотографии. Ее обдало жаром. Она забыла о Косте! О своем преданном, любимом и любящем, заботливом Косте. Зачем она носила с собой эти фотографии? Она на них никогда не смотрела. Это просто была дань моде. Нужно было иметь фотографию любимого, она ее имела.

Но сейчас, перед этим парнем, ей стало жгуче стыдно. Она не хотела, чтобы он знал о Косте и тем более видел его снимки. Что с ней случилось? Почему? Она всегда гордилась своим Костей. Высоким красивым и умным парнем. Никогда ни от кого его не скрывала, а теперь что?

Красная, как рак, дрожащими руками она стала собирать снимки. Эдик взялся ей помогать.

— Это твой парень? Симпатичный. Он учится или работает? — В его голосе появились натянутые интонации.

— Он учится на дневном отделении в Политехе. Это я работаю и учусь. Мы с Костей дружим с девятого класса. Он умный и легко поступил на дневное, а я сорвалась на письменной математике. Не добрала одного балла, так и получился у меня вечерний институт.

— Понятно,— с расстановкой протянул Эдик.— А потом что? Вы поженитесь? Ты его любишь? Извини, я не имею права об этом спрашивать. Не хочешь, не отвечай.

— Да ничего. Все будет так, как ты сказал. Давай спать. В котором часу мы завтра приезжаем в Лиски?

Настроение у них испортилось. Та близость, которая появилась между ними, куда-то исчезла. Вместо нее возникло напряжение. Она удивилась, как это Костя даже на расстоянии умудрился дать о себе знать. А ведь она о нем забыла! Ее это озадачило больше всего. Она всегда помнила о своем любимом. Так хорошо, легко и интересно было с Эдиком. Ну почему с ним ей было хорошо? Наташа даже толком не рассмотрела его лица. У нее в сознании был какой-то облик, а не конкретный человек, но с этим обликом ей хотелось общаться. Какая-то она стала легкомысленная. Она не понимала, что с ней происходит, и поэтому рассердилась на себя. Эдик пошел смотреть расписание, а она вошла в купе и легла.

— В Лиски мы прибываем в два часа дня,— прошептал Эдик и полез на свое место. Он там долго возился, вздыхал, потом затих. Уснул, наверное.

Наташа не спала. Ей было обидно, что все так кончилось. Ей удивительно понравился этот парень. Он был добрый и искренний. Ее тянуло к нему, а теперь он будет разговаривать с ней, как с чужой девушкой, то есть отстраненно. А она этого не хочет. Господи, совсем запуталась!

— Нат, а Нат? — зашептал Эдик.— Ты спишь? Я не могу уснуть. Давай вместе послушаем ночные новости.— Он свесился с полки и пытался рассмотреть, спит ли она. Наташа закрыла глаза, но не могла сдержать улыбку. Эдик это заметил и мгновенно оказался внизу.— Я рад, что ты не спишь.

Ему хотелось видеть ее лицо и глаза, но если сесть на ее полку, то этого он видеть не сможет, поэтому, не долго думая, Эдик стал перед ней на колени, а потом уселся на коврик. Наташа тихо рассмеялась. Еще никто и никогда не становился перед ней на колени. Ей это понравилось. Эдик тем временем искал новости. Тихое с присвистом звучание эфира создавало таинственное настроение. Вдруг раздался четкий, с каким-то непонятным акцентом голос диктора.

— Вот, нашел,— радостно сказал Эдик.— Это радио «Свобода».— Он придвинул приемник к Наташину уху и сам приблизился вместе с ним. Она не стала отодвигаться. Ей была приятна его близость. Диктор тем временем сообщал результаты президентских выборов в США. Большинство голосов победил Джон Кеннеди.

— Ура! — вдруг громко возопил Эдик.— Ты представляешь, он победил!

Наташа не разделяла его бурной радости. При своей напряженной жизни ей было все равно, кто станет президентом в далекой Америке. Политика их с Костей не занимала. В их компании о ней никто никогда не говорил, поэтому бурная реакция Эдика ее скорее удивила, чем порадовала.

— Да что ж ты так орешь? Мне через два часа выходить, а вы не даете спать! Непутевая молодежь, вот напишу твоему командиру, будешь тогда кукарекать на губе. Демократ, мать вашу!

— Извините, пожалуйста, там просто Кеннеди победил,— сказала Наташа.

— Он, что, ваш родственник?

— Нет,— протянула она с удивлением.— А при чем здесь родственник? Он молодой и красивый, к тому же демократ.— Эдик молчал.

— Слушайте, барышня, вам должно быть абсолютно все равно, демократ он или нет. Вы разницу отсюда не увидите, а если считаете его красивым, то у вас плохой вкус.

— Возможно, у меня плохой вкус, но его жена просто прелесть. У нас таких красивых женщин нет.

Майор ей ничего не ответил и, сопя, стал спускаться с полки.

— Почему вы не ляжете на нижнюю полку? Она ведь свободная.

— Я человек дисциплинированный, что мне выдали, то и мое. Да и тренировка не помешает.— Майор вышел из купе.

— Ну, ты просто молодец! А я как-то растерялся,— сказал Эдик.

— Не понимаю, а почему ты так завопил?

— Извини, я не из-за их президента завопил, а просто от радости, что ты рядом.

Наташа ничего не сказала. Ее удивил такой ответ. Сама она была человеком сдержанным, и ей никогда не нравились девушки, которые визжали, просто катаясь на качелях, или которые изображали визгом испуг. Любое неестественное проявление чувств ее настораживало. В искренность таких чувств она не верила.

— Ладно, Эдик, наверное, нам пора спать.

— Ты на меня не сердись?

— Нет, спокойной ночи.— Эдик полез на полку. Настроение у него испортилось. Он еще долго вздыхал и крутился на полке, но Наташа этого уже не слышала. Она спала. Тяжелый выдался день!

— «Пора, красавица, проснись, открой сомкнутой негой взоры...». Фу, дальше не помню как — услышала она сквозь сон голос Эдика.

— «Навстречу северной Авроры, звездой севера явись». Я еще хочу спать.— Она надула губы и перевернулась на другой бок.

— Нат, так не честно. Ты обещала организовать царский завтрак, я уже давно встал, а ты дрыхнешь.

— Я не дрыхну, а просто сплю.— Наташа открыла один глаз. Дверь в коридор была открыта, и в ее проеме стоял Эдик в полной офицерской форме. Солнечные лучи пронизывали купе и коридор.— А ты чего так оделся? Мы уже скоро подъезжаем? Нет? А тогда почему? Что случилось?

— Ну, засыпала вопросами. Я выходил на остановке и купил шампанское. Ты забыла, что обещала нам завтрак с икрой?

— Прости, я действительно забыла. Сейчас встану. Посмотри там много народу стоит к умывальнику?

— Толпа, не пробьешься! — Он вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Наташа поднялась, потянулась, неспеша достала туалетные принадлежности, надела халат и вышла в коридор. Коридор был пуст. Двери почти всех купе были раскрыты. Пассажиров не было. Что бы это значило? Она пошла к проводнице. Ее тоже не оказалось. Куда все подевались? Посмотрела в окно. Поезд все также мерно шел вперед.

— Что, испугалась? — раздался за спиной голос Эдика.— Как невероятно сложилось. До самых Лисок мы теперь будем ехать одни в вагоне. Остановок больше не будет, и никто к нам не подсядет. Правда, такое редко бывает?

«Да уж, такое редко бывает,— подумала она.— Хорошо это или плохо? Что-то мне тревожно».

— Я пойду, умоюсь.

Через полчаса довольная, умытая и одетая она накрывала на стол. Жареная курица не пропала и была вполне съедобна, вареное мясо тоже, о яйцах волноваться было нечего. Свежий батон, кусок сливочного масла и бутылка шампанского были на столе. Она достала банку с икрой.

— Эдик, попроси консервный ключ у проводницы, и если у тебя есть перочинный нож, то дай мне его, я сделаю бутерброды.

— Слушаюсь, командир, я мигом.— У него было какое-то взерошенное настроение. Ожидание вкусной еды или чего-то еще его будоражило. Его нервозность передалась Наташе. Всегда спокойная, она чувствовала себя как-то скованно и неловко. К чему бы это?

Эдик вернулся с ключом и стал открывать банку.

— Слушай, Нат, а ты уверена, что это икра? Какой-то странный запах, не рыбный.

— А что же это может быть? Мне мама обещала дать банку икры.

— И она свое слово сдержала. Только икра баклажанная, а не красная.

— Не может быть! Она не могла так со мной поступить.— Наташа покраснела до слез, потом пошла пятнами. Ей было безумно стыдно маминой скупости. Конечно, если бы она была одна, то легче перенесла бы это событие. Она привыкла к сюрпризам с маминой стороны. Но ведь мама обещала угостить Костю. Чем угостить? Баклажанной икрой за пятьдесят копеек? Ее нечего везти через полстраны. У них она тоже продается.

— Ты чего так разволновалась? Ну, может быть, мама перепутала банки? Такое ведь тоже случается. Обидно, но ведь назад не вернешь. Съедем и эту икру.

— Ты прости меня, получилось, что я просто врушка. Ты за шампанским бегал, хотел праздника, а тут вот такое дело.

— Ладно, уже простил. На чужой каравай, рот не разевай. Давай уже есть и пить. Я хочу выпить за наше знакомство.

Они выпили шампанского. Наташа даже не поняла, понравилось оно ей или нет. Она пила его не часто. Потом как-то незаметно настроение у них выправилось. На пороге их купе появилась проводница, они и ей налили шампанского, а она потом принесла чаю. Жизнь вошла в нормальное русло. Об икре больше не вспоминали.

— Нат, слышишь какая музыка? Пойдем, потанцуем в коридоре. Там ведь никого нет.

Чудо произошло сразу же, как только она попала в его объятия. Вокруг них образовалось облако трепетной нежности. Оно укутывало их, и это будоражило душу. Она танцевала часто и со многими партнерами, но такого с ней никогда не случалось. У Эдика, похоже, это тоже было впервые. Он осторожно вел ее за талию по коридору, чтобы не натолкнуться на стены, и внимательно на нее посматривал. Он не делал никакой попытки прижать ее к себе или поцеловать в щечку. Расстояние между ними приличествовало хорошему воспитанию, но чувствовалось, что так бы он танцевал с ней долго-долго. Что тому было причиной? Чарующая музыка или выпитое шампанское, но они танцевали и танцевали.

— А вы неплохо смотрите вместе,— сказала проводница. Очарование исчезло, облако растаяло. Остались только двое стоящих рядом молодых людей.— Пора собираться, мы уже подъезжаем.

— Спасибо вам. В вашем поезде отдыхаешь душой и телом. Все так чисто и аккуратно,— сказала Наташа.

— Пожалуйста. Вы тоже хорошие ребята.

В кассовом зале было полно народу. Люди стояли в очередях к окошкам касс, сидели на двух, имеющих скамейках, и на полу. Воздух был спертым. Входная дверь без конца хлопала, впуская в помещение облака пара.

Наташа стояла в углу, прислонившись к стене. Багаж они сдали в камеру хранения и теперь ждали исхода событий. Сумеет ли Эдик взять билеты или нет.

У ее ног на грязном одеяле сидела молодая женщина и кормила грудью ребенка. Ребенок уже отвалился от груди и спал. Женщина этого не замечала и не прятала грудь. Около женщины спал, свернувшись калачиком, еще один малыш, а другой малыш сидел рядом и размазывал по грязным щекам слезы. Рядом с этой группой стоял большой медный чайник. По всему было видно, что они здесь кукуют не первый день.

Эдик нервничал. Он все время подбегал к расписанию, вывешенному на стене, и что-то записывал.

«Куда они все едут? Война что ли началась? — думала Наташа. — Зачем мучить так себя и своих маленьких детей? Что должно случиться в семье, чтобы с такими малышами отправляться в путь? Полно маленьких детей. Такое впечатление, что весь Союз с места снялся. Как-то странно, а почему я-то сюда попала? Почему мама, не посоветовавшись, отправила папу за билетом. Я ведь могла улететь на самолете так же спокойно, как и прилетела к ним. Разница в деньгах небольшая, а комфорта несравненно больше. Мама знала, какая тут дорога. Почему она это сделала?»

Ответа не было. Мамины поступки довольно часто не подчинялись логике.

«Действительно, почему она это сделала? Если жалко было денег, то можно было спросить у меня. От отпусковых кое-что осталось. Да ведь и родители приехали с Камчатки не с пустыми руками. Деньги у них были и немалые. Не понятно».

— Нат, а Нат? Я тебя зову, а ты не слышишь. Где ты сейчас витала? Пойдем на улицу, а то здесь можно в обморок упасть. Я купил билеты. — Они сели на скамью на перроне. — Поезд, правда, не очень, пассажирский, и вагон плацкартный. Поезд прибудет, если не опоздает, в час ночи. Билеты пусть будут пока у меня, чтобы ты не потерялась в этой каше и держалась рядом. В вагоне я их тебе отдам.

— Спасибо тебе за билеты. Я действительно здесь бы не справилась.

— А чего ты такая грустная? Тебя расстроило, что плохие билеты? Так других не было.

— Нет, что ты! Билеты здесь ни при чем. Я разозлилась на женщину с тремя маленькими детьми. Куда и зачем она их по такому кошмару тащит. Их, что, из дома выгнали? Это же, какие мучения!

Эдик весело рассмеялся.

— Ты не поверишь. Мужик этой бабы стоял рядом в очереди и хвастал, что они к брательнику на свадьбу едут. А тут с билетами хана. Они могут опоздать. Ну, я помог им взять билеты.

— Что, в наш вагон?

— Да нет, вообще на другой поезд.

— Тогда ты молодец! Пойдем в ресторан пообедаем, потом пойдем на последний сеанс в кино. Здесь даже приткнуться и посидеть негде, а гулять все время холодно.

— Слушай, Нат, это, конечно, не мое дело, но тебе не надо послать телеграмму, чтобы тебя встретили? Ведь твой парень не знает, когда ты приезжаешь.

У Наташи сразу испортилось настроение. Почему с ней такое происходит? Раньше она бы сама с удовольствием подумала о Косте, а сейчас ей неприятно даже напоминание о нем. Но телеграмму действительно надо послать. Что они и сделали.

(Продолжение следует)